

Нахалята. Командировка

Гарун Аминов

Гарун Аминов
Нахалята. Командировка
Серия «Нахалята», книга 2

<https://litres.ru/73167796>

SelfPub; 2026

ISBN 1

Аннотация

После провала дерзкой операции на Скале Воронов команду Нахалята Гром, Шарх, Борен, Шепот и новичок Лорик ссылают в глушь, на забытый аванпост Ледяная нора. Шесть месяцев скуки и снега вместо былых приключений таково наказание. Но ледяная тишина нового пристанища таит древний ужас: в головы героев пробивается чужой шёпот, сводящий с ума. Охота на призрак приводит их в подземелья под Барьером, где в титановском саркофаге томится Криомант — вездешное существо, вечный пленник, чья пробуждающаяся мощь угрожает взрывом, способным расколоть континент льда.

Чтобы спасти мир, отверженной команде придётся не просто рискнуть жизнями в зоне смертельной радиации. Им предстоит принять немислимое решение: навеки заточить одно разумное существо, обречённое на бессмертное одиночество, или позволить погибнуть всем. Командировка из скучного наказания

становится их самым тяжелым и эпичным испытанием, где цена ошибки гибель целого мира.

Содержание

Мир, что замер	5
Нахалята. Командировка	11
С глаз долой	11
Опять дорога.	19
Ледяная Нора	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Гарун Аминов

Нахалята. Командировка

Мир, что замер

Полторы тысячи лет назад случился катаклизм всепланетного масштаба. Он не был простым ударом или взрывом. Это был разрыв самой плоти мира, фундаментальный сбой в работе механизма, имя которому – Земля. И механизм этот остановился навсегда.

Теперь планета замерла. Она больше не вращается. Одна её сторона, выпученная чудовищным ударом и вечно обращённая к Солнцу, раскалена до немыслимых температур. Это – Денница, царство вечного дня, где плавятся камни, а воздух дрожит от зноя. Там, среди металлических дюн и зеркальных пустынь, выживают лишь те, кто обрёл броню из зеркальной керамики и научился направлять убийственный жар как оружие и инструмент.

Противоположная сторона, укутанная вечным мраком космоса, – это Ночница. Царство льда, безмолвия и холода, достигающего ста градусов ниже нуля. Под километровой толщиной вечного ледника плещется тёмный океан, а жизнь теплится лишь в призрачном свете биолюминесцентных грибов да у багровых жерл одиноких вулканов, выстроивших-

ся в гигантское Кольцо Огня. Здесь выживают те, кто оброс теплым мехом и научился разговаривать узорами света на собственной коже.

Между этими двумя крайностями, словно по лезвию бритвы, существует узкая полоса жизни – Терминатор. Вечные сумерки. Ни дня, ни ночи, только бесконечный, затянутый пеленой тумана и пепла, багряный или свинцово-серый горизонт. Ширина этой полосы – от полутора до двух тысяч километров. Это всё, что осталось от привычного мира. Это Арена.

Здесь, в Терминаторе, кипит то, что люди когда-то называли бы жизнью. Но жизнь эта изменилась до неузнаваемости. Катаклизм принёс с собой не только огонь и лёд, но и странную силу – Омега-мутации. Оно стало горнилом эволюции, ускорив приспособляемость в миллионы раз. И не просто ускорив, а направив ее. Биосфера не просто менялась – она ломалась и собиралась заново под диктовку нового, жёсткого мира.

На смену человечеству пришли Пять Рас. Они – не инопланетяне и не демоны. Они – наследники, мутировавшие потомки тех, кто выжил. Но различие между ними стало столь глубоким, что теперь это разные биологические виды, испытывающие друг к другу не ненависть – физиологическое отвращение.

На всем протяжении Терминатора, от границы с Денницей, в буйных, душных джунглях из деревьев-небоскрёбов

и лиан толщиной в башню, до ледяного Барьера, что поднял свои сверкающие пики на высоту до 15 километров, живут Огры. Гиганты, покрытые бронёй из природного кератина как латы средневековых рыцарей, сильные, как стихия, и прямые, как удар дубины. Их общество – это культ силы, кланы воинов-патриархов. Они – плоть и мускулы Терминатора, его неукротимая, грубая мощь.

Выше них, в разреженном воздухе горных замков и на парящих в вечных ветрах летающих баржах, обитают Текины. Хрупкие, с прозрачной кожей, сквозь которую видна голубая сеть сосудов. Их сила – не в мускулах, а в мысли. Они – повелители телекинеза, архитекторы движения, инженеры выживания. Их возвышенные города-крепости и сложные механизмы – самые сложные технологии в этом одичавшем мире. Они – разум и изящество, парящие над хаосом.

Под землёй, в бесконечном лабиринте туннелей, проложенных гигантскими огненными червями, процветают Гребны. Слепые оракулы с чувствительными гребнями вместо глаз. Они видят мир через эхолокацию и телепатию, чувствуют вибрации планеты. Их царство – тишина, камень и поток информации. Они – тайная нервная система мира, знающие больше, чем показывают.

На Деннице, в аду вечного дня, выковали себя Огны. Некогда бывшие Ограми, они ушли в пустыню за ресурсами и стали другими. Их тела защищены зеркальной керамикой, а вдоль позвоночника тянется термооптический гребень –

оружие и инструмент, способный фокусировать солнечный свет в режущий луч или отводить избыточное тепло. Они – искусные мастера-ремесленники, кузнецы и стеклодувы адского зноя, единственные, кто добывает драгоценные металлы и осмий из недр раскалённого мира.

В ледяной пустоши Ночницы, у тёплых подножий вулканов или в пещерах внутри самого гигантского Ледяного Барьера, живут Хлады. Массивные, покрытые густым мехом, с кожей, светящейся причудливыми узорами. Они – дети холода и тишины, хранители льда, который является источником всей пресной воды. Их стада мохнатых тюленей, заново отрастивших свои ноги, пасутся на лишайниковых полях, а шаманы читают будущее в циклах далёкой, медленно плывущей по годичной орбите Луны.

А между ними, в трещинах и подвалах этого мира, скитаются Гибриды – «Слякоть». Несчастные потомки смешанных союзов, отвергнутые всеми расами. Их биология нестабильна, способности непредсказуемы, а существование – постоянная охота. В них боятся и ненавидят то, что может стать либо ключом к спасению, либо окончательным падением.

Этот мир живёт на грани. Его экология – хрупкий замкнутый цикл. Воды рек, стекающие с Ледяного Барьера, уносят влагу в Денницу, где она испаряется. Верхние ветра вечным потоком несут тучи к Барьеру, где они избавляются от своей ноши, наращивая лёд. И нижние ветра, которые постоянно дуют от Барьера в пустыню, неся туда прохладу и расширяя

зону возможной жизни. Всё взаимосвязано. Нарушь одно – рухнет всё.

Главная валюта здесь – не золото, а «Искры», вечные микро-реакторы погибшей цивилизации Титанов, и осьмий – загадочный металл, катализатор всех мутаций. Расы не объединены. Они сосуществуют в состоянии хрупкого, подозрительного нейтралитета, пронизанного торговлей, шпионажем и мелкими стычками. Их разделяет не только культура, но и самая биология. Условия, пригодные для жизни одного, несут смерть другому. Их обычаи, цели – различны. Но объединяет их общий язык, общие гены и то, что в одиночку ни одна раса не выживет в этом жестоком мире.

Это мир «Пяти Клинков». Мир, который не прощает слабости. Мир, где выживание – не право, а ежедневная победа. Мир, застывший между днём и ночью, между жаром и холодом, между прошлым, которое уничтожено, и будущим, которое может не наступить. Здесь каждый клинок – будь то стальное оружие Огра, сфокусированный луч Огна, телекинетический импульс Текина, телепатическое внушение Гребна или световой сигнал Хлада – отточен для одной цели: проложить путь еще на двадцать четыре часа. А история этого мира только начинается. Вернее, она начинается снова. Прямо сейчас.

Это – вторая книга о команде искателей приключений «Нахалята». Их первая авантюра едва не стоила им жизни: побег со Скалы Воронов с заложником-текином в ру-

ках, украденная реликвия Титанов и гнев могущественных рас сделали их одновременно легендами и изгоями. Чтобы дать страстям улечься, а себе – передышку, Кадмон отправляет их в самую глухую «ссылку», какую только можно придумать: на полгода в «Ледяную Нору», забытый аванпост у подножия исполинского Ледяного Барьера. Здесь, казалось бы, не будет ни текинских барж, ни сложных интриг – только снег, скрипучие ворота и скучные отчёты. Или так это выглядело со стороны. Потому что в ледяной тишине их уже ждало нечто древнее, разумное и отчаянно одинокое. И их новая история началась не со взрыва, а с пронизывающего шёпота в голове, который вывел их на тропу, ведущую к главной тайне этого застывшего мира – и к выбору, от которого зависит судьба всех рас.

Нахалята. Командировка

С глаз долой

Последние несколько суток в Скорлупе можно было описать словами «цирк сторел, и все клоуны разбежались». Нас не трогали, но и не забывали. Старшие сталкеры, сталкиваясь в узких коридорах, обязательно цепляли.

– Гром, слушай, нас посылают забрать долг хлада. Посоветуй, что с собой взять: скалку моей хозяйки или трубогиб Мастера Гнома?

– Шарх, слышал, ты текинского адмирала голыми руками задушил? Нет? Жаль, а история уже пошла гулять.

Отнекиваться было бесполезно. Эти тролли только того и ждали. Мы отшучивались как могли, но осадочек, как говорится, оставался.

Девчонки, впрочем, вели себя как обычно. То есть абсолютно нормально – так и вились вокруг Шарха. И что они в нем находят? Улька, завидев Шарха, тут же вцепилась ему в бок, прижимаясь к его круглому телу:

– Ах ты, меховой котик! Расскажи еще раз, как ты всех спас из плена? Неужели ты нисколечки не боялся?

Шарх, распушённый и довольный, только ухмылялся: – А ты как думаешь? Шарх никогда и ничего не боится!

Лиана, проходя мимо, молча оценивала Шарха взглядом и бросала с лёгкой усмешкой: – Дешёвый понт. Но в её глазах читалось одобрение. Сложно понять этих девчонок.

А потом случилось необъяснимое. Борен, наш молчаливый каменный великан, устроил в нашей камерке сюрприз. Он притащил «Плачущего Ангела», ту самую стеклянную статую, ради которой мы, по сути, и лезли на Скалу Воронов. Поставил её в углу на прочный ящик. Потом развернул шкуру бронетигра и повесил её на стену сзади, как ковёр. И выбрал такой угол, где его постоянно освещают лучи неподвижного солнца. Эти переливы статуи на фоне сверкающей шкуры – на удивление получилось очень гармонично.

Я сначала не понял. – Дед, это зачем? На память? Или продать думаешь?

Борен покачал головой. Он подошёл к статуе и медленно провёл толстыми пальцами по её стеклянной поверхности. Он не видел её. Но он её чувствовал.

– Гладко... – его голос был похож на отдалённый гром. – Поёт...

– Что поёт? – не понял я.

– Свет... – Борен повернул свою слепую плиту лица к шкуре. – И тут... волны. Тёплые.

И тут до меня дошло. Он не видит краски. Он видит мир иначе. Гладкость стекла для его пальцев – это музыка. А переливы шкуры бронетигра в лучах света, которые он, вероятно, чувствовал кожей как лёгкое тепло, – это волны. Он

собрал не просто безделушку и трофей. Он собрал композицию из тактильных ощущений и вибраций, которая для него была прекрасна. Для него это и было искусством.

– Красиво? – спросил я, на всякий случай уточняя.

Борен издал короткое, одобрительное урчание, что-то вроде «М-м-м». И уселся на своё место, «смотря» на свою импровизированную галерею.

– Но ты же не видишь? – попытался я его понять.

– Это здесь... – его огромная лапа показала на голову. – Это как река. Или костер. Вверх – вниз. И вокруг сверкает как иголки...

Ну что ж. У каждого свои тараканы. У нашего великана – эстетические. И что самое интересное, многие жители деревни стали приходить смотреть на его композицию. Говорили, что это как-то успокаивает.

Этому недолгому спокойствию пришёл конец, когда нас вызвал Кадмон.

Войдя в его пещеру, мы застали его за разбором каких-то старых свитков. Он выглядел уставшим.

– Ну что, нахалята, отдохнули? – спросил он, не глядя на нас.

– Так точно, – бодро отрапортовал Шарх. – Готовы к новым подвигам!

– Никаких подвигов, – Кадмон отложил свиток и посмотрел на нас. – Ваши последние «подвиги» аукаются мне до сих пор. Гребны требуют компенсацию за сканер, который

«не лечит». Хозяин Снов, кто бы он ни был, явно не оставил попыток достичь своей непонятной цели. Ваше присутствие здесь – как бочка с порохом у костра.

– Так мы же добычу принесли! – начал было я.

– Принесли, – перебил Кадмон. – И проблем принесли. Пока вы тут свою галерею создаете, мне приходится тушить пожары. Поэтому у меня для вас новое задание. Считайте его... командировкой.

И он изложил суть. Есть на севере, у самого Ледяного Барьера, старый аванпост «Ледяная Нора». Мы используем его как перевалочную базу и как склад при работе с хладами из-за стены. Три месяца назад оттуда вернулся старый кладовщик Оррик, бросил ключи и заявил, что с него хватит. Мол, там скучно, тоскливо и в последнее время стало «душно», как он выразился.

– Оррик всегда был ворчуном, – усмехнулся Кадмон. – Надоело ему в одиночестве сидеть, вот и придумал страшилки. Я нашёл ему замену. Лорик. Счетовод. Цифры он любит, а драться – нет. Ваша задача – сопроводить его, помочь с инвентаризацией... и это займет у вас там полгода. Ты понял? Не меньше. Пока тут всё утрясётся.

Шарх аж подпрыгнул. – Шесть месяцев? На севере? Да я там околею! Мой мех для красоты, а не для мороза!

– Обрастёшь салом, – безразлично парировал Кадмон. – Ты с Громом и новым товарищем не пропадёте. У вас всех есть частичка хлада. А Борену и Шепоту выдадим утеплён-

ки. В общем, собирайтесь. Быстро. С глаз долой.

Возражать было бесполезно. Мы вышли, обречённо переглянувшись. Впереди был долгий путь, снега и скука. Но, как знать, может, и впрямь удастся отдохнуть.

Вышли мы от Кадмона, а у меня в башке мысли будто шмели гудят. Шарх сразу на взводе.

– Полгода! Слышал, Гром? Шесть месяцев торчать на краю света, куковать с каким-то счетоводом! Да я с ума сойду от скуки!

– А ты возьми с собой свои клыки, – советую я. – Будешь на стенке узоры выцарапывать. Историю для потомков оставишь.

Шепот, наш мозг, был уже мыслями в дороге. – Нужна карта. И припасы... Расчет на пятерых на полгода... Это серьезный объем.

Пошли к становому, что карты хранит. Дядька Седой, в свое время обошел чуть-ли не весь Терминатор. Вечно ворчит, что раньше карты на шкурах рисовали, а теперь – сплошная химия. Сует мне потрепанный свиток.

– На, Гром, «Ледяная Нора». Не заблудись, а то искать вас по сугробам придется. Там, на полдороге отмечен «Перевал». Ничего особенного, просто старая землянка, спрятанная среди холмов. Но пару суток отдохнуть можно. Оррик там, слышал, совсем крышей поехал в «Ледяной Норе». Шептал что-то про «голоса изо льда». Вздор, конечно. Просто одиночество ему мозги проело.

Я карту в руке верчу. – А он, Оррик, точно ничего внятного не говорил? Может про сквозняки или зверей?

Седой плечами пожимает. – Говорил – «там тихо... слишком тихо». И все. Чушь собачья. Бери карту и катись. И помни, что сталкер всегда настороже.

Ну, делать нечего. Зашли мы с Шархом к кладовщикам, начали мешки упаковывать. Вяленое мясо, сухари, соль, жир тюлений – от холода спасает. Шарх ворчит, что его личный запас сухофруктов для девиц придется оставить – места нет.

А я, на всякий случай, к Оррику завернул. Нашел его в дальнем гроте, где он сапоги чинит. Мужик сухой, как щепка, глаза бегающие.

– Оррик, привет. Это мы к тебе на смену, в «Нору».

Он аж вздрогнул, молоток чуть не выронил. – На... на смену? – и замолчал.

– Слушай, – я ближе подошел. – Кадмон говорит, ты там заскучал. А мне вот интересно... Может, чего дельного посоветуешь? Про «духоту» эту?

Оррик на меня посмотрел, будто сквозь меня, и прошипел: – Не душно там... а тихо. Слышно, как мысли шуршат. Свои... и чужие. Потом резко отвернулся и забормотал: – Да иди ты. Сам всё узнаешь. Мне вас, героев, учить надоело.

Вижу – не вытянешь ничего. Человек сам не свой. Махнул я рукой, ушел.

А на следующие Врата Яви нам Лорика представили. Паренек – это как если чешуйчатого гребна покрыть синим ме-

хом, а все узоры света хладов переместит ему на острые, торчащие вверх, уши. Маленький, щупленький, ручки ножки торчат в стороны, как будто готов опуститься на четвереньки и как ящерка убежать в щель. Шепот сразу к нему приклеился – видно, родственные души. Уже через полчаса они о чем-то шептались, Лорик показывал ему свой походный абак, а Шепот с умным видом кивал.

Шарх не выдержал, фыркнул: – Смотри, Гром, наш мозг себе подмоздка завел. Теперь они вдвоем будут скуку рассчитывать с точностью до секунды.

Лорик аж подпрыгнул и спрятался за Шепота. Как можно быть таким пугливым? Тот его защитил: – Оставь его, Шарх. Его познания в математике могут оказаться полезнее твоих клыков в новых условиях.

В общем, через пару Правы мы, навьюченные как караван ишаков, выбрались из ворот. Борен в своих новых утепленных сапогах шел впереди, как живой таран. Шепот с Лориком – сзади, что-то оживленно обсуждая. Я и Шарх – в середине.

Шарх, глядя на уходящую вдаль тропу, вздохнул: – Ну что, Гром, погнали на край света. Надеюсь, хоть снежные женщины там красивые водятся.

Я только лом на плече поправил. – Главное, Шарх, чтобы они тебя не съели. А то, кто же нас спасать будет?

Тропа вилась впереди, убегая в холодные дали. И хоть говорил я бодро, а на душе было беспокойно. Слишком уж

нехорошие у Оррика глаза были. И тишина эта его... Не по праву она мне.

Опять дорога.

Двенадцать Прави под горбом, комары размером с кулак и пейзажи, меняющиеся от удушающих джунглей до промозглой тундры. Веселуха.

– Ну что, ученый, готов попрощаться с ботинками? – это был первый день, и Шарх, обливаясь потом, размахивал перед носом Лорика здоровенной пилой. – Впереди болотце одно... деликатное. По колено. Или по горло, смотря как повезет.

Дорога – она как старый сталкер: вроде бы знаешь каждый ее каприз, а она всегда найдет, какую новую пакость тебе подкинуть. Мы начали путь в густой, влажной жаре, где воздух был густым, как бульон из старого носка. Шли не быстро, потому что торопиться было особо некуда, да и нагружены все были прилично. Дышалось тяжело. Лес стоял стеной, зеленый и душный. Комары звенели тучами, явно считая нас ходячим шведским столом. Лорик, наш новоиспеченный счетовод, красный и мокрый, похожий на распаренного младенца, лишь безнадежно вздыхал, глядя на свои новенькие, уже промокшие ботинки.

Я шел сзади, поглядывая, чтобы наш «мозг» Шепот не увяз в раздумьях и не провалился в трясиину. Он, как обычно, был погружен в свои мысли, на ходу что-то вычисляя, но ноги ставил уверенно – опыт не пропьешь.

Шарх, как и полагается сталкеру с юмором могильщика, первые дни не упускал случая позубоскалить над новичком.

– Смотри-ка, ученый, – сипел он, указывая на странные фиолетовые наросты на скрюченной ольхе. – Грибочки. Если съесть, три дня будешь видеть говорящих насекомых. Хочешь? Для науки?

Лорик лишь нервно покусывал губу и пяtilся. Потом Шарх, идя впереди, внезапно замер, присел и прошипел:

– Тихо! Слышишь? Прямо под нами... шевелится...

Лорик застыл, глаза вылезли из орбит. Он так напрягся, что, кажется, перестал дышать, а уши запульсировали ярко-алым цветом. А Шарх выпрямился, хрустнул костяшками пальцев и бодро сказал:

– Ладно, показалось. Пошли.

Я только усмехнулся. Классика. После третьего такого «подкола» у Лорика начала дергаться щека. А на четвертый раз, когда Шарх снова начал свое «слышишь, это, наверное, те самые болотные трещалки...», случилось неожиданное. Борен, наш молчаливый и невозмутимый каменный великан, вдруг обернулся и тихо, но очень отчетливо зарычал. Не на невидимого врага, а прямо на Шарха. Так, что у того на мгновение пропала ухмылка с лица. Рык был не злой, а предупредительный, каким взрослый волк одергивает зарвавшегося щенка. Мол, хватит дурака валять.

Шарх смущенно хмыкнул, поправил свой потрепанный рюкзак и пробормотал: «Ладно, ладно, успокойся, гора».

Больше он не приставал к Лорику с пугалками. А Борен, отойдя в сторону, кивком подозвал к себе трясущегося парня. С тех пор они шли рядом. И началось самое удивительное. Он начал опекать Лорика. Видно, наш великан считал себя обязанным быть нянькой всех, кто не мог постоять за себя.

Так прошли первые несколько суток. Лес понемногу редел, становился светлее. Вместо липкой жары пришла прохлада, а потом и легкий ветерок, который уже не обжигал, а освежал. Дышать стало легче. Сочная зелень сменилась жесткой, низкорослой травой и корявыми соснами.

– Чувствуешь? – как-то утром сказал Борен, поднимая голову. – Воздух другой. Пахнет снегом.

Лорик с опаской втянул носом. И вправду, в воздухе витала какая-то металлическая свежесть, предвестница стужи. Борен, который за весь день мог и десяти слов не вымолвить, стал для Лорика тихим маяком.

– Не смотри под ноги, – внезапно говорил он. – Смотри вперед, на пять шагов. Ноги сами дорогу найдут. А то я чувствую, как твою голову уже кружит.

– Дыши ровно. Морозный воздух – не враг. Он просто другой. Привыкни.

Лорик слушал. И впитывал. Рядом с этим молчаливым гигантом его вечный, дрожащий где-то глубоко внутри страх понемногу сжимался в холодный, но твердый комок осмотрительности. Он все так же вздрагивал от каждого шороха,

но уже не впадал в ступор. Он стал... терпимым трусом. Что, как я сам не раз говаривал, для сталкера уже полпути к званию «выжившего».

Мы шли дальше, и с каждым днем пейзаж становился все суровее. Деревья совсем обмельчали, превратившись в стелющиеся по земле кустарники, а потом и вовсе исчезли, уступив место каменистой тундре, покрытой лишайником.

И всегда, с самого начала, перед нами, затянутая дымкой, высился он. Ледяной Барьер. Сначала – просто темная полоса на горизонте. Потом – гряда синеватых предгорий. А теперь – исполинская, седая громада, которая словно подпирала небо. Оттуда, с ее вершин, постоянно тянуло холодом. Не просто прохладой, а глубоким, пронизывающим до костей холодом, который, казалось, выжигал все звуки, оставляя лишь свист ветра в ушах.

На одиннадцатый день Лорик, шагая, хрустнул ботинком по чему-то хрупкому. Он посмотрел под ноги и ахнул. Земля была покрыта белым, колючим настом. Это не был пушистый снег. Это были миллиарды крошечных ледяных кристаллов, выпавших из промерзшего воздуха. Они искрились в тусклом свете солнца, которое теперь стояло у самого горизонта и практически не грело.

Двенадцатые сутки похода подходили к концу, когда Борен, шедший впереди, поднял руку.

– Почти пришли.

Мы стояли на склоне, у граница снежных земель. Впе-

реди, насколько доставал взгляд, все было белое, лишь с небольшими черными вкраплениями выступающих скал. Холод здесь был уже звериный. Ветер бил в лица колючей пылью из ледяных кристаллов. Я поправил воротник и подумал, что полгода в таком дубаке – это вам не в теплой Скорлупе бобы считать.

– Вот, – я указал Лорику на нагромождение черных валунов, припорошенных инеем. – Видишь, камень вроде спящего медведя?

Лорик, с трудом различая очертания в бледном свете низкого солнца, кивнул.

– Рядом с ним, под вывороченной корневищем карликовой сосны – вход.

Мы потратили почти час, чтобы разгрести занос и откопать низкую, обитую потемневшим деревом дверь. Пахло мерзлой землей, камнем и вечностью.

Шарх с силой толкнул скрипящую дверь, и из открывшейся черноты пахнуло затхлым, но удивительно желанным запахом старого очага.

– Ну, добро пожаловать в «Перевал», – сипло сказал Шарх, первым входя внутрь. – Пятнадцать звезд по системе сталкерского уюта. Вид на вечную мерзлоту, в номерах – все удобства в виде ведра и буржуйки, которая помнит еще первых разведчиков. Красота!

Мы ввалились в землянку, скидывая с плеч неподъемные рюкзаки. Воздух внутри был спёртым и холодным, пахнул

пылью и старой древесиной. Прежде чем я успел сообразить, куда приткнуть свой лом, Шарх швырнул свой мешок в угол и решительно потянулся за своими клыками-кинжалами.

– Всё, приехали, – заявил он, сверкая глазами. – Эти ваши дорожные пайки из вяленого мяса я буду видеть в кошмарах. Пора разнообразить меню.

– Куда собрался? – устало спросил я. – Только пришли. Снег по колено, солнце в горизонт упирается, света нет.

Шарх лишь презрительно фыркнул, подходя к двери.

– Гром, не завидуй. Пока вы тут будете пыль с полок сдувать, я настоящий ужин принесу. А насчёт света... – Он широко ухмыльнулся. – Мои глазки и не в такую тьму видят. Для них солнце у горизонта – не помеха, а софит, который всё нужное подсвечивает. По этому снежку найти кого съедобного – пара пустяков!

И прежде, чем кто-либо успел возразить, он выскользнул за дверь, оставив за собой облачко ледяной пыли. Я вздохнул, покачав головой, но возражать уже было некому. Голодный Шарх был ещё опаснее, чем скучающий.

Примерно через час, пока мы с Бореном кое-как растормошили заледеневшую печь, а Шепот с Лориком проводили инвентаризацию наших скудных запасов, снаружи донёсся знакомый возглас. Дверь распахнулась, и на пороге возник запыхавшийся Шарх. Без добычи.

– Ну что, меховой комок, – не удержался я от колкости, – где тот, кого ты подсветил софитом? Убежал, насмеявшись

над твоими клыками?

– Да чтоб его! – отмахнулся Шарх, сметая с себя иней. – Нашёл, догнал, уложил! Ангелом уснул, одно удовольствие. Только вот... – Он виновато посмотрел на Борена. – Дед, не подумал... Он такой... аппетитный получился. Килограмм под пятьсот, не меньше. Одному не притащить, честно. Поможешь? А то вороны растащат наш праздничный ужин.

Борен, не проронив ни слова, отложил полено, которое собирался бросить в печь, и молча направился к выходу, величественный, как ледник. Шарх, довольный, пулей выскочил за ним.

Лорик смотрел на эту пантомиму, и его уши вспыхнули лёгким зелёным светом – видимо, его мозг бухгалтера пытался просчитать вероятность успеха этой затеи. Шепот же, кажется, был просто рад, что Шарх наконец-то куда-то делся и перестал вертеться под ногами.

Вернулись они вдвоем, волоча на самодельных волокушах тушу исполинского оленя. Зрелище было поистине эпичное: хрупкий с виду Шарх деловито руководил процессом, а каменный великан Борен без видимых усилий тащил груз, который и телеге был бы не по силам.

– Вот теперь можно и ужинать! – триумфально объявил Шарх, скидывая шапку. – Я ж говорил – пара пустяков.

Следующие двое суток мы провели в землянке, приводя себя и припасы в порядок. Запасы, конечно, были щедро разбавлены олениной – есть одно и то же быстро надоедает.

За это время команда обшарила все вокруг. Шепот, ведомый то ли любопытством, то ли желанием провести инвентаризацию всего на свете, обшарил территорию за землянкой.

– Интересно, – произнес он, откапывая что-то из-под снега у дальней стены постройки. – Оррик был человеком предусмотрительным.

Оказалось, он нашёл крепкие, хоть и старые, деревянные сани. Немного подсохли, но несколько ударов Борена топором вернули им былую прочность.

– Вот и отлично, – заключил я, осматривая находку. – Теперь наш каменный великан будет не только дорогу прокладывать, но и возить наши пожитки. Цивилизация, блин.

Через две Нави, загрузив на сани основную часть припасов и оставшееся оленьё мясо, мы тронулись в путь. Дорога до самой Норы заняла ещё десять Правы. Шли уже легче – сани здорово выручали, но пейзаж не менялся: снег, камень, изредка – чахлые кусты и вечный, пронизывающий ветер от Барьера, усиливающийся с каждым шагом.

Примерно на седьмой день этого перехода случился инцидент. Мы двигались по неглубокой ложине, как вдруг Лорик, который обычно шел, уткнувшись в землю, резко поднял голову и замер.

– Смотрите... – прошептал он, указывая вперед.

Из-за поворота вышло стадо тех самых северных оленей. Десятка полтора мощных животных. Они шли спокойно, пока не учуяли нас. И тут вожак – матерый самец с рогами, по-

хожими на сучковатое дерево, – фыркнул, затопал копытом и опустил голову, нацелив свои украшения прямо на Лорика.

Бедный счетовод окаменел, будто глядя в лицо собственной бухгалтерской ошибки вселенского масштаба. Его уши, что характерно, тут же вспыхнули ярко-красным светом – верный признак животного ужаса. Он даже не шелохнулся, когда зверь весом в тонну, издав короткий рев, ринулся на него.

К счастью, реакция Шарха – это нечто, сравнимое со скоростью пули. Я даже глазом моргнуть не успел, как меховой комок рванул с места. Но он не просто оттолкнул оленя. В последний момент Шарх прыгнул прямо навстречу массивному рогу, ухватился за него и, как обезьяна, повис на нем всем своим весом. Сто восемьдесят килограмм жилистой мускулатуры и дерзости – это вам не шутка! Резко дёрнутая вниз голова вожака ушла в сторону, и смертоносный рог с свистом прошел в сантиметрах от виска Лорика.

А Шарх, все еще болтаясь на роге, как фривольная серьга, действовал дальше. Ловким движением он достал из-за пояса свой клык-кинжал и, точным коротким ударом, ткнул его оленю прямо в грудную клетку, под лопатку. Раздался глухой стон, и могучий зверь рухнул на снег, увлекая за собой Шарха.

– Фух, – отряхнулся Шарх, поднимаясь с тушки. – Вот это зарядка с утра пораньше. Почти как с Улькой потанцевать, только рогаче.

Мы все смотрели на эту сцену, слегка ошеломленные. А Лорик все стоял, не двигаясь. Его уши, горевшие секунду назад алым ужасом, теперь перешли в фазу замешательства и выдали ровное, удивленное сияние холодного голубого цвета.

– Ну что, ученый, – фыркнул Шарх, подходя к нему и не глядя на его светомузыку, – в следующий раз, когда увидишь ходячий обед с рогами, не жди, пока он тебя поцелует. Дай по ногам, что ли.

Лорик медленно кивнул, и по мере того, как он, видимо, мысленно начинал пересчитывать свои перепуганные нейроны, свечение его ушей сменилось на сосредоточенное, кислотно-зеленое. Шепот, наш мозг, тут же это зафиксировал.

– Любопытно, – произнес он, глядя на Лорика как на интересный прибор. – Цветовая индикация как внешнее проявление когнитивных процессов. Нужно записать...

Наконец, на десятые сутки, Борен, как всегда шедший в авангарде, остановился и просто сказал:

– Пришли.

Впереди, врезавшись в подножие Ледяного Барьера, темнело низкое, широкое строение из почерневших бревен и камня. «Ледяная Нора». Наш новый дом на ближайшие три месяца. Выглядело оно... надежно. И очень, очень одиноко.

Дорога до самой Норы, которую мы уже видели вдали, заняла еще восемнадцать часов бесконечной, выматывающей борьбы. Казалось, можно дотянуться рукой, но этот послед-

ний отрезок пути оказался самым тяжелым.

Ветер здесь был не стихией – он был механизмом, вечным двигателем этого застывшего мира. Мы шли, наклонившись почти горизонтально, упираясь в снег посохами и ломами, и я чувствовал его безумную логику на себе. Вверху, у невидимой границы льда и неба, он с бешеной скоростью мчался к Барьеру, гоня перед собой рваные клочья облаков. Натыкаясь на ледяную стену, они выливались на её склоны ливнями и снегопадами, которые тут же замерзали, приращивая к исполину новые слои льда. А затем, охлаждённый и тяжелеющий, этот воздух срывался вниз вдоль ледяного склона с оглушительным свистом, чтобы у самого подножия, на нашем уровне, превратиться в сплошной, плоский ураган, дувший в лицо – прочь от Барьера, в сторону вечного дня. Он был на десятке разных тонов, от низкого гула, входившего в резонанс с костями, до пронзительного свиста, от которого кровь стыла в жилах. Шорох и Лорик, самые легкие, так и вовсе шли, привязав себя к Борену, иначе их унесло бы, как пушинку.

И всё это время над нами нависал он.

Ледяной Барьер.

Слово «барьер» не передавало и десятой доли её масштаба. Это была другая планета, вмерзшая в нашу. Вертикальный мир из битого, вздыбленного, возрастом в тысячелетия льда. Он уходил ввысь, теряясь в низкой облачности, и даже моему закаленному зрению было сложно оценить его ис-

тинную высоту – те самые двенадцать-пятнадцать километров, о которых говорили легенды. Солнце, вечно висящее у горизонта, било в него по прямой, и Барьер оживал: он переливался гигантскими гранями – от грязно-белого до пронзительно-синего и глубокого, почти черного индиго в трещинах. Он не молчал – он стонал. Глухие, мощные звуки, похожие на скрежет тектонических плит, доносились из его нутра. Это трескался и перемещался лёд, это живые ледники ползли вниз с весом континентов.

И посреди этого царства абсолютного холода и чистоты, в паре километров от нас, из-под самого основания Барьера, вырывалось нечто абсурдное. Бурная, широкая река, рожденная тальми водами с её склонов. Она клубилась туманом, пенная и яростная, с ревом пробивающая себе путь через лёд и камни. Она не текла – она кипела, неся взвесь грунта и горной породы, вымытой из-под толщи льда. Этот тёплый, грязный и неистовый поток выглядел кощунственно на фоне девственной белизны, словно кровоточащая, не заживающая рана на теле исполина. От реки тянуло странным запахом – сероводорода и влажной земли, непривычным и диким после стерильного морозного воздуха.

«Восемнадцать часов через адский ветер, чтобы дойти от точки «видно» до точки «можно постучаться», – мрачно подумал я, с трудом переставляя ноги. – Кадмон, я тебе это припомню».

Наконец, мы уперлись в нечто, напоминающее ворота.

Вернее, это было мощное укрепление из почерневших, покрытых ледяной коркой метровых бревен, встроенное прямо в ледяной склон. Над узким, обитой кованым железом проемом висела грубо вырубленная из камня голова не то медведя, не то Йети, вся в сосульках. Ворота были закрыты.

Мы рухнули перед ними, не в силах сделать ещё шаг. Даже Борен тяжело дышал, его каменные плечи поднимались и опускались сильнее обычного.

– Ну... – Шарх выдохнул, сдирая с лица ледяную корку. – Готов поспорить, здесь даже крысы от скуки повесились. Добро пожаловать в «Ледяную Нору», ребята. Теперь тут наш дом.

Я поднял голову, глядя на ледяной исполин над нами, на воющую тьму вокруг и на эти глухие, негостеприимные ворота. Тишины, о которой шептал Оррик, пока не было слышно. Её заглушал рев ветра, хруст и скрежет льда. Но, возможно, это было лишь затишье перед той самой, иной тишиной. И от этой мысли стало как-то совсем не по себе.

Ледяная Нора

– Ну, добро пожаловать в наш новый дворец, – фыркнул Шарх, счищая с плеча паутину. – Судя по всему, Оррик отсюда выносился так, что искры из-под каблуков сыпались.

И правда, картина была говорящая. Стол в главном зале был завален крошками и следами от кружек, одна из которых так и стояла, с наполовину выпитым мутным застывшим чаем. На стуле висела растёпанная рукавица – вторая валялась у самого входа. А в спальней нише тумбочка лежала на боку, и из выдвинутого ящика на пол высыпалась куча всякого хлама.

– Пылищи... – пробурчал я, проводя пальцем по полке. Палец превратился в пуховку. – несколько месяцев без жильцов и при таком ветре снаружи – самое то. Дышать можно, но на бутерброд не мажь.

Шепот, наш мозг, уже щупал стену и принюхивался.

– Интересно. Он не просто убежал. Он запаниковал. Смотрите – плита. Кочерга брошена прямо на пол. Так не поступают.

– Может, его гребны из-под кровати схватили? – поинтересовался Шарх, заглядывая в темный угол.

– Да оставь ты своих гребнов, – отмахнулся я. – Видимо, эта «тишина» его и доконала. Ладно, расчехляемся, братва. Полгода тут жить, так что начнем с генеральной уборки.

Принялись за обустройство. Борен, как бульдозер, прошелся по основным залам, сгребая хлам в кучу. Шепот с Лориком устроили штаб среди ящичков с припасами. Лорик, бедолага, чуть не плакал, глядя на хаотичные записи в журнале Оррика.

– Он... он последние месяцы даже не сводил баланс! – бормотал он, листая потрепанную тетрадь. – Это же кошмар! Сплошные помарки!

– Не переживай, ученый, – хлопнул его по плечу Шарх. – Зато теперь у тебя есть работа на все шесть месяцев. Не соскучишься!

Примерно на вторые сутки, пока мы с Шархом пытались починить заклинившую заслонку вентиляции, в заднюю дверь постучались. Шарх пулей метнулся к своим клыкам и принял оборонительную стойку перед дверью. Чудак, если бы это был враг, вряд ли он бы так вежливо постучался. Я, качая головой, подошёл и скинул задвижку. Дверь скрипнула и открылась. На пороге стоял... ну, представьте себе медведя-альбиноса, скрещенного с тюленем и дорожным катком. Ростом под три метра, весь в белоснежной шерсти, а из-под шикарных усов торчали два клыка, что кинжалы Шарха.

– Я, – прогремело существо голосом, похожим на обвал ледника. – Хранитель Прохода. Рраск. Оррик... исчез? Я несколько раз приходил за последние три месяца. Никто не открывал.

– В смысле исчез, – отозвался я. – Сбежал. А мы его замена. Проходи, не стесняйся.

Рраск медленно шагнул внутрь, его черные глаза-блюдца с любопытством осматривали наше скромное хозяйство. И тут Шарх, недолго думая, решил блеснуть талантами. Он внезапно рванул с места, сделал сальто через бочку с солониной и замер у дальней стены, сверкая зубастой ухмылкой.

– Видал, дед? Это я тебе привет из Скорлупы передал!

Рраск замер. По его шерсти пробежала волна светящихся узоров – то ли удивление, то ли предупреждение.

– Быстро, – прошипел он. – Сильно. Но... слякоть. Пахнешь... шумно.

– Ну ты даешь! – обиделся Шарх. – Я ему – акробатический этюд, а он мне – про запах!

Рраск оказался хладом, зрителем соседнего склада по ту сторону и хранителем туннеля сквозь Барьер. Пообщался вежливо, но сдержанно, особенно с Шархом. Видимо, наша гибридная сущность его смущала. Сильно удивил его Борен. Видно, он почувствовал мощь нашего слепого великана. Его узоры так и побежали по телу, когда он понял, что у Борена нет глаз, но он все видит. Ушел, пообещав зайти через неделю.

А на четвертые Врата Яви и началась та самая «духота», о которой бормотал Оррик.

Сначала Шепот пожаловался:

– Гром, ты не слышишь? Кто-то... шепчет. Не голос, а

так... в голове.

– Да тебе почудилось, – ответил я. – От скуки.

А потом, когда я перед сном проверял ворота, мне самому в мозгу прозвучало четко и холодно, будто осколок льда в ухо упал:

...одиночество... и угасание... слышно как замерзает время...

Я аж попятился. Огляделся – никого. Только Борен сидел у печи, неподвижный, но его каменные кулаки были сжаты так, что я физически услышал хруст.

Тишина в Норе оказалась не пустой. Она была живой. И, похоже, очень голодной до компании.

На шестые сутки эти шёпоты в голове стали такими навойливыми, что хоть на улицу беги. Я не выдержал.

– Шепот, если я ещё раз услышу, как кто-то там в моей башке восхищается, как красиво замерзают мои собственные мозги, я кого-нибудь прибую. Надо что-то делать.

Шепот поднял бледное лицо. Под глазами – синяки.

– Это не галлюцинации, Гром. Внешний источник. Телепатическое поле низкой частоты, но огромной мощности. Оно в самом льду. Оррик не выдержал такого давления.

– Может, это Рраск с нами говорит? – предположил Шарх.
– Или кто другой из его племени? Что вы знаете об этих медведотюленях?

– Вряд ли, – покачал головой Шепот. – У хладов телепатия обычно не развита. Они более полагаются на зрение и силу.

Это... что-то другое. Древнее. И очень холодное.

В моей голове снова проплыла чужая мысль:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.